УДК / UDC 398.1[821.512.37:821.512.151]

Образ Миитр-нойона в устной традиции калмыков: исторический прототип и вариативность сюжета

Баир Макаровна Коваева[1]

The Image of Miitr Noyon in the Oral Tradition of the Kalmyks: Historical Prototype and Variation of the Plot

Bair M. Kovaeva[1]

[1] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

[1] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат филологических наук, доцент

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0009-0000-3225-4003. E-mail: bkovaeva(at)mail.ru

Аннотация. *Введение*. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения исторической прозы калмыков. Особый научный интерес представляет фигура Миитр-нойона, чей образ и связанные с ним нарративы до настоящего времени не становились объектом специального системного анализа. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в калмыцкой фольклористике подробно рассмотрены и сопоставлены различные варианты сюжета о Миитр-нойоне, что позволяет проследить эволюцию его образа. *Цель исследования* — рассмотреть варианты исторического предания об образе Миитр-нойона и выявить его исторический прототип (Нитар-Дорджи). Источниковую базу исследования составили нарративы, опубликованные в фольклорных сборниках, а также неопубликованные полевые материалы автора. Впервые в научный оборот вводятся аутентичные тексты на калмыцком языке, зафиксированные от информантов в районах Калмыкии. *Результаты*. Автор приходит к заключению, что фоль-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Коваева Б. М. (Kovaeva B. M.), 2026

клорный образ героя носит двойственный характер: с одной стороны, он воплощает идеал народного защитника и борца за свободу, с другой — несет в себе черты неукротимого бунтаря, чья дерзость выходит за рамки общепринятых норм.
Ключевые слова: устная традиция, мотив, история, прототип, вариант, сюжет, фольклор
Для цитирования: Коваева Б. М. Образ Миитр-нойона в устной традиции калмыков: исторический прототип и вариативность сюжета // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 1. С. 106–118. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-106-118

Abstract. *Introduction*. The relevance of this study is driven by the need for a comprehensive examination of the Kalmyk historical prose. Of particular scholarly interest is the figure of Miitr Noyon, whose image and associated narratives have yet to be the subject of a dedicated, systematic analysis. The novelty of this research lies in the detailed examination and comparative analysis of various versions of the Miitr Noyon plot—the first of its kind in Kalmyk folkloristics—which allows for tracing the evolution of his character. The *aim* of the study is to examine the various versions of the historical tale concerning Miitr Noyon and to identify his historical prototype, Nitar-Dorji. The source base for the study consisted of narratives published in folklore collections, as well as the author's unpublished field materials. This paper introduces into scholarly circulation authentic Kalmyk-language texts recorded from informants in various districts of Kalmykia. *Results*. The author concludes that the hero's folkloric image is inherently dual: on the one hand, he embodies the ideal of a defender of the people and a champion of freedom; on the other, he displays the traits of an untamed rebel whose audacity defies conventional norms.
Keywords: oral tradition, motif, history, prototype, variant, plot, folklore
For citation: Kovaeva B. M. The Image of Miitr Noyon in the Oral Tradition of the Kalmyks: Historical Prototype and Variation of the Plot. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2026. No. 1. Pp. 106–118. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-106-118

Введение

Исторические предания широко распространены в калмыцком фольклоре. Они содержат важный исторический и этнографический материал, в котором отражено отношение народа к событиям прошлого.

Цель данного исследования — рассмотреть варианты исторического предания, связанного с образом Миитр-нойона в фольклоре калмыков и его историческим прототипом Нитар-Дорджи.

Для достижения поставленной цели в работе необходимо решить следующие задачи:

— изучить различия в вариантах предания, изменяющихся в процессе бытования;

— оценить степень историзма, установив, какие элементы повествования отражают реальную действительность Калмыцкого ханства начала XVIII в., а какие являются результатом мифологизации сюжета.

Решение данных задач открывает возможности для восстановления биографии исторического персонажа и раскрытия закономерностей

трансформации исторической действительности в сюжет устной традиции. Наибольшее количество исследований посвящено образу Мазан-батора [Кичиков 1983; Батмаев 1985; Горяева 2004; Цекеева 2004; Сенглеев 2019].

Э. П. Бакаевой исследованы предания о нойоне Шеаренге [Бакаева 2022б], нойоне Галдаме [Бакаева 2022а], о калмыцком хане Дондуке Омбо [Бакаева 2021], а также предания, связанные с личностью Убаши-хана [Бакаева 2016]. Образ Лоузан Шуну анализируется в статьях П. Э. Алексеевой [Алексеева 1999] и Т. Г. Басанговой [Басангова 2011]. Б. Б. Горяевой изучены фольклорные тексты об Ээт Мерген Темене [Горяева 2010]. Осорин Утнасун изучены предания о нойоне Лоузан Шуну, Сетрджаве и нойоне Цебеке-Дорджи [Осорин 2019]. Образы Шуну, Галдамы и Мазанбатыра описаны в работах Б. Б. Оконова [Оконов 1984] и С. В. Мирзаевой [Мирзаева 2016]. Также С. В. Мирзаева и З. С. Адьяева исследовали предания о нойоне Шеаренге [Мирзаева, Адьяева 2016].

При этом образ Миитр-нойона до настоящего времени не становился предметом специального исследования в калмыцкой фольклористике.

Статья посвящена комплексному анализу образа данного персонажа в устной традиции калмыков.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили полевые записи из личного архива автора и тексты, опубликованные в различных фольклорных сборниках [Алтн чеежтә келмрч 2010: 35–37; Мифы, легенды 2017: 258–259; По следам Номто Очирова 2018: 94; Семь звезд 2007: 136–137; Хальмг амн зокъял 2024: 53–54; Хальмг амн урн 2022: 31–33; Хальмг туульс 1968: 156–159; Хальмг туульс 1974: 252–254].

Впервые введены в научный оборот аутентичные тексты на калмыцком языке, зафиксированные автором от информантов в районах Калмыкии и г. Элисте.

В ходе исследования применен комплекс методов: сравнительно-типологический метод, историко-генетический метод, контекстуальный анализ, мотивный анализ.

Результаты и обсуждение

В устном народном творчестве калмыков широко известны песни, легенды и предания о Миитр-нойоне (*Миитр-нойн, Миитр Дорҗ нойн*).

Историческим прототипом легендарного персонажа является Нитар Дорджи — представитель ханской династии: внук самого Аюки-хана и сын Чакдорджаба. По характеру он отличался вспыльчивостью и непокорностью, а особая страсть к скакунам нередко становилась поводом для серьезных конфликтов и разногласий. Исторические хроники связывают его имя с непростым периодом 1722–1725 гг., когда Калмыцкое ханство охватила смута: политический кризис, ожесточенная борьба за власть и раздел наследства.

Жизнь Нитар-Дорджи трагически оборвалась в 1725 г.

Общая характеристика исторических преданий о Миитр-нойоне представлена в научной работе А. Г. Митирова [Митиров 1990] и во вступительной статье Д. Э. Басаева в сборнике «Семь звезд» [Басаев 2007]. Историк А. Г. Митиров подчеркивает, что в записанных версиях Миитр-нойон переплывает Волгу и отправляется на Алтай, надеясь вернуться позже и освободить калмыков. В легенде заложена идея борьбы за свободу, а Миитр-нойон изображен как защитник этой идеи [Митиров 1990: 57].

Исторический прототип

Для того, чтобы глубже понять суть сюжетной линии предания, обратимся к историческим фактам. Вопрос престолонаследия в Калмыцком ханстве был решен еще в 1714 г., когда хан Аюка утвердил старшего сына Чакдорджаба официальным преемником, вручив ему главную ханскую печать. Однако планы нарушила кончина наследника в 1722 г., произошедшая за два года до смерти самого хана. После Чакдорджаба осталось многочисленное потомство — двенадцать сыновей, чьи права на власть различались в зависимости от статуса матерей. Старший из них, Бату, рожденный от наложницы ногайского происхождения, был исключен из претендентов на власть. Трое сыновей (Дасанг, Баксадай-Дорджи и Нитар-Дорджи) происходили от первой законной супруги, остальные восемь (Дондук-Даши, Данджин-Дорджи, Бодонг, Гунцук-Джал, Яндык, Дорджи-Раши, Солом-Добчин и Бусурман) — от второй. Сложившаяся ситуация вынудила Аюку вернуться к вопросу о передаче власти, значительное влияние на этот процесс оказала молодая супруга хана Дарма- Бала, которая стремилась обеспечить права на престол для своих трех сыновей.

Аюка-хан был вынужден отстаивать интересы своих младших сыновей. На стороне Дасанга выступал астраханский губернатор А. П. Волынский, известный государственный деятель и сподвижник Петра I.

Изначально конфликт разгорелся между старшими сыновьями Чакдорджаба. Несмотря на последнее волеизъявление отца, завещавшего им держаться вместе под руководством Дасанга, братский союз быстро распался. Первым нарушил завет Дондук-Даши: он счел распределение имущества (кибиток) несправедливым и перешел под непосредственное покровительство хана Аюки. Впоследствии к нему присоединились Бату и Данджин-Дорджи.

В последние годы жизни хан Аюка предпринимал дипломатические усилия для урегулирования спора между внуками, однако переговоры оставались безрезультатными. В условиях нарастающего противостояния на передний план вышел Нитар-Дорджи, приходившийся Дасангу младшим братом по отцу. Конфликт обострился во время аудиенции у хана Аюки: Дасанг явился в сопровождении вооруженного войска, которым руководил Нитар-Дорджи. Противники Дасанга упрекали его, утверждая, что присутствие оружия перед правителем противоречит нормам уважения к ханской власти [Митиров 2002: 150–151].

В условиях обострения внутренней борьбы Баксадай-Дорджи, не располагавший достаточным влиянием и поддержкой в улусах, избрал стратегию сближения с российским правительством. Решающим шагом стало принятие православия. В ноябре 1724 г. в Санкт-Петербурге состоялось таинство крещения, в ходе которого он получил имя Петр Петрович Тайшин. Особый политический вес придавало то, что восприемником его выступил лично император Петр I [Батмаев 1993: 239].

Данное решение спровоцировало резкую негативную реакцию со стороны калмыцких владельцев, в частности его братьев, которые считали губернатора виновным в крещении Баксадай-Дорджи. Нитар-Дорджи прибег к физическому давлению на переводчика В. М. Бакунина и допустил угрозы в адрес А. П. Волынского. Подобная агрессия привела к изменению политической позиции губернатора: он постепенно отказался от поддержки Дасанга, выбрав сторону наместника [Митиров 2002: 152].

Сам переводчик В. М. Бакунин пишет, что «в проезд его, Бакунина, Нитар Доржи, будучи на дороге с нарочною партиею, зазвав его, Бакунина, к себе в кибитку, бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить за то, что он, Нитар Доржи, обнадеясь на него, Бакунина, присягу, вошел с улусами своими в линию, а на оную, как они видят, для воевания их собираются российские войска, проговаривая, что то ж сделает он и с Губернатором Волынским, ежели он попадется в его руки…» [Бакунин 1995: 52–53].

Нитар-Дорджи понимал, что нападение на В. М. Бакунина является государственным преступлением, поэтому заявлял, что ему остается только уйти на Кубань или в Крым. При этом его старший брат Дасанг занимал двойственную позицию: с одной стороны, он осуждал действия Нитар-Дорджи, а с другой — передавал ему информацию о местонахождении губернатора, В. М. Бакунина и Петра Тайшина. Нитар-Дорджи защищал Дасанга и собирался убить Петра Тайшина, в то время как Дасанг тайно вел заговор с Петром против Нитар-Дорджи [Митиров 2002: 153].

Образ Миитр-нойона в устной традиции

В фольклорных текстах Миитр-нойон представлен как молодой неженатый человек, в то время как его исторический прототип Нитар-Дорджи был женат. По свидетельству историков, в документах говорится «о его семье, которая, в силу неблагоприятных обстоятельств, вынуждена была менять места кочевок, скрываться от недругов» [Митиров 1990: 56]. Лишь в тексте, опубликованном в сборнике «Семь звезд», в конце повествования Миитр-нойон женится на дочери китайского императора, которая в итоге его отравляет [Семь звезд 2007: 137].

В исторических документах прототип Миитр-нойона предстает как противоречивая фигура. С одной стороны, он изображен как справедливый человек, заботящийся о простом народе, к примеру, при мобилизации в войско он «у тех, у кого есть сто лошадей и больше, обирал и отдавал <…> тем, кому за скудостью не на чем было выехать» [История

Калмыкии 2009: 384]. С другой стороны, он был отчаянным и жестоким бунтарем, его действия часто вызывали страх и недовольство среди окружающих. Так, М. Новолетов в своих исторических очерках подчеркивает: «Нитар-Дорджи самый отчаянный из детей Чакдоржапа. Из дел видно, что не проходило ни одного дня, чтобы он не убивал кого-нибудь — человека, лошадь, корову — что первое подвертывается под руку» [цит. по: Митиров 2002: 152].

В предании Миитр-нойон изображен как ловкий, храбрый и сильный человек, обладающий отличными навыками верховой езды. В тексте «*Арвн долата Миитр-нойн*» («Семнадцатилетний Миитр-нойон») одна из жен его двух братьев проверяет силу Миитр-нойона:

Миитр-нойн ик бөк гиһәд, тегәд бергнь күлгин шүрүс хойр эркәдән иигәд чимкәд, бәрм[1] *чиңгәһәр иигәд томад, өгәд орксмн. «Энүг тасл, тегәд чамаг би йосн баатр гиҗ меднәв», — гиҗ бергнь. Тегәд хойр чигчәһинь яснд күртлнь иигәд тер күлгин шүрүсиг таслад өгсмн Миитр-нойн* ‘Миитр-нойона считали большим силачом, жена его старшего брата дала ему сухожилие рысака (боевого коня), сжала его так большими пальцами рук, скрутила и дала. «Вот это разорви, тогда я поверю, что ты настоящий богатырь», — говорит сноха. Тогда Миитр-нойон [пытаясь разорвать], стер кожу мизинцев до костей и разорвал конское сухожилие’[2] [Хальмг амн урн 2022: 31].

Исторический прототип Миитр-нойона Нитар-Дорджи имел настоящую страсть к лошадям: он содержал табуны различных мастей и довольно часто угонял их у своих родственников. А. П. Волынский пытался убедить его не красть у калмыков коней, поскольку это могло привести к междоусобным конфликтам. Однако Нитар-Дорджи отвечал, что «как увидит у противных партии ево калмык лошадиные табуны, тогда утерпеть не может». Подобное поведение порождало множество ссор и стычек [Митиров 1990: 43].

Во всех вариантах фольклорного сюжета образ Миитр-нойона связан с конем пегой (пего-гнедой) масти, обладающим сверхъестественными способностями. Именно конь становится его верным другом и помогает ему совершить побег из крепости (Астраханского кремля), куда заточили Миитр-нойона из-за доноса. Благодаря своей смекалке, решительности и ловкости герою удается вырваться на свободу, что подчеркивает мотив чудесного бегства. Приведем пример:

Тегәд, одак Миитр нойн келҗәнә: «Намд нег мишк элс өгтн», — гиҗәнә, — и четвертушк әрк, четушкин өрәл, иим өгтн, — гиҗәнә. Эә, одакс өгчәнә. Элсиг мөрндән һанзһлчкад, мөрән эргүләд ода чонж, чонжин хотн дотраһар гүүлгәд-гүүлгәд, гүүлгәд бәәтл мөрн көшәд ирхов, ода. Тигәд, четушк әркән өгәд, шилнь хайчкад, ода җолаһаснь [бәрәд], мөрн нисәд һарад одсн болҗана. Тегәд ар көләрн нег бичкн һазрт [кемтллһн], кемтл угаһар

[1] *Бәрм* — мера длины, равная расстоянию между крайними точками сжатых в кулак пальцев; большой палец прилегает к указательному пальцу [КРС 1977: 91]..

[2] Здесь и далее перевод автора статьи.

һарад йовхн бийнь ард нерн болтха гиһәд, нег бичкн һазр, кем-трсн һазр бәәнә ‘Тогда Миитр-нойон говорит: «Ну, давайте посмотрим каким мастерством и умением обладают калмыки», — говорит судьям. Русские судьи согласились. Затем тот Миитр-нойон говорит: «Мне один мешок песка дайте», — говорит, — и четвертушку водки, половину такой чекушки водки дайте», — говорит. Да-а, те дали. [Он] привязал мешок с песком к торокам своего коня и начал водить его, а затем пустил коня в бег по территории крепости. Во время бега конь утомился. Напоил [коня] чекушкой водки, бутыль выбросил, и разгоряченный конь помчался, готовый выпрыгнуть из уздечки. Он мог уйти, ничего не зацепив задними ногами, но, чтобы оставить свое имя [в истории], в одном месте крепости есть отломанная часть’ [ПМА 1].

В репертуаре сказителя Санджи Манжикова, представленном во втором томе сборника «Хальмг туульс» [Хальмг туульс 1968], опубликован наиболее полный вариант сюжета. В данном нарративе обращает внимание второе имя героя — Миитр Дорджи. Герой показан еще с детского возраста: когда мальчику исполняется десять лет, его родители умирают. Через несколько лет он отправляется в другой хотон (поселение) и остается жить у престарелой бездетной пары, которые пасут коров у богатого человека. Мальчик помогает им пасти скот и пего-гнедого жеребенка, которого когда-то нашел старик. Через некоторое время юноша просит у стариков этого жеребенка-двухлетку и взамен обещает привести несколько коров.

Мотив бездетных родителей, связанный с обрядом инициации, характерен для эпической и сказочной традиций монголоязычных народов. Исследователь А. Ш. Кичиков пишет: «Время пребывания „паршивого-плешивого” у стариков (мнимых, приемных) — это период адаптации к условиям иного мира, чужой страны, период „разведывательных действий” и сбора информации о положении в стране» [Кичиков 1997: 60].

Дальнейшее развитие сюжета из репертуара Санджи Манжикова происходит следующим образом: через некоторое время парень пригоняет пять, а затем десять коров старикам, благодаря чему они начинают жить в достатке. Однако, повзрослев, юноша начинает грабить имущество и вступает в драки с людьми. В итоге его решают сдать русским властям и отправляют в Астрахань. Судья выносит смертный приговор и перед этим спрашивает, есть ли у него какое-либо предсмертное желание (*букв*. обида) [Хальмг туульс 1968: 156–159].

Мотив трех предсмертных желаний распространен в сказочной и эпической традициях калмыков. В исторических преданиях он встречается реже, зачастую в упрощенном виде (одно желание, а не три), и связан с процессом взаимопроницаемости фольклорных жанров.

В повествовании Миитр Дорджи просит позволить ему в последний раз проехать на своем коне по тюремному двору. Он просит два мешка с песком и четвертинку водки. Перекинув мешки с песком через седло, юноша выпивает водку в два приема. Затем, пустив коня сначала рысью, а

потом галопом, он отрезает мешки с песком, и конь перепрыгивает через высокую стену крепости.

Мотив быстрого передвижения коня в данном тексте подчеркивает силу и ловкость волшебного помощника главного героя:

Хурдлулж ирəд, шивə һарəдүлв. Мөрн һарəдəд һарад одв. Нег киисəд, Иҗлин уснур киисəд мөртəһан орв. Мөрнь өөмəд, йовад йобб. Мөрнə хойр ташань нег булхад, нег булхл уга өөмəд йобб ‘Пустив коня в карьер, перепрыгнул через стену крепости. Конь перепрыгнул. Приземлившись, он вместе с конем оказался в реке Волге. Конь поплыл. Круп коня то исчезал под водой, то снова появлялся’ [Хальмг туульс 1968: 158].

Мотив трех предсмертных желаний представлен и в тексте, записанном автором от одного из информантов:

Негдгчнь — мах чанх, хойрдгчнь — эрк нерх, һурвдгчнь — һанз дүүрң тəмк. Дəкəд алг мөриг тохҗ орктн, — гиҗ сурҗадгч ‘Первое — приготовить мясо, второе — приготовить *араку*, третье — [подготовить] полную курительную трубку. И еще моего пегого коня оседлайте, — просит’ [ПМА 2].

Анализ исследуемого материала показал, что в исторических преданиях пространственная организация играет роль структурообразующего элемента. Локализация событий отличается высокой степенью конкретизации, что обусловлено жанровой установкой на достоверность и служит доказательством реальности описываемых событий. В сюжете о Миитр-нойоне основными топографическими объектами выступают река Волга и Астраханская крепость. В текстах Волга функционирует как пограничный рубеж и непреодолимая преграда, которую герой успешно преодолевает на чудесном коне, спасаясь от погони.

Почти во всех изученных вариантах предания о Миитр-нойоне река Волга выступает в качестве рубежной зоны: 1) *Əəдрхнə шивə һарəдхлə, шивəһəр һарəдəд һарад, Иҗлəн хəр юмн кевтə деегүр, усарнь һарад йовж оддг болҗана* ‘Перепрыгнув через Астраханскую крепость, как по мелководью, он ускакал по Волге’ [По следам Номто Очирова 2018: 94]; 2) *«Чу!» — гиһəд, алг мөрн деерəн һарəдəд унад, теднəс Иҗл һол тал һарч зулж* '«Чу!» — сказав, запрыгнул на своего оседланного пегого коня и помчался в сторону реки Волги’ [ПМА 2].

В исследуемом материале рубежная гора встречается реже. По мнению А. Ш. Кичикова, герой «по преодолении невраждебной (бумбайской) пространственной зоны, оказывается на пограничной черте, отмеченной чаще одинокой горой», «…рубежная гора есть гора пограничная, стоящая на незримой черте, разделяющей две страны, а в плане мифологических представлений — два мира…» [Кичиков 1997: 262]. Приведем пример:

Тер кевтəн йовад, ода тер Богд уулын дорaһур орна тер, зулж һарад. Богд уулын дорaһур орад, тендəснь ода тер мөрəн үлдəсн, бийнь йовж одсн. Цаһан Китдин орнд одж тер. Бийнь һурв үкж, һурв əмдрж ирж төрхв отгнутгтан гисн анднарта [бəəж] ‘Убегая от погони, он укрылся в ущелье горы Богдо. Войдя в ущелье горы Богдо, оттуда [ведь] уходил, оставив коня. Отправился он в Китай (*букв*. Белый Китай). Сам же трижды умер,

трижды воскрес и, перевоплотившись, вернулся в свой нутук, такой была его клятва' [Хальмг амн урн 2022: 218].

Мотив клятвоприношения наиболее характерен для героического эпоса и богатырских сказок. Важно отметить, что клятва (*андһар*) у калмыков уходит корнями в древние верования и связана с представлением о магической силе слова: произнесенное вслух обещание становится неотвратимым законом. Кроме того, за ритуалом клятвоприношения стоит серьезная моральная ответственность: нарушение клятвы в традиционном сознании равносильно потере чести и рода, что, наряду с осознанной готовностью героя к самопожертвованию ради цели, делает его несгибаемым перед опасностью.

Мотив клятвоприношения встречается в нарративе, записанном от информанта Ш. В. Боктаева. Герой клянется отомстить русским в седьмом поколении:

Миитр нойн тиигхд келсн юмнж: «Орсас доладгч үйдән ирж, өшәһән авнав», — гиж. Доладгч үйдән Миитр нойн нег эмгн өвгн хойрт көвүн болж төрж. Орадан ор һанцхн нүдтә тер көвүг медлгч улст үзүләд, иигән-тиигән авад йовна. Олн улс цугтан уга кетхә гинә. Тиигәд уснд хайж, уснд көвәд бәәж. Һалд шатаж, шач өгсн юмн уга. «Яахмб?» гиһәд, икәр киитц (хөөнә арһсн) түләд, тер цог деер тәвәд, ик замин хәәсәр бүркчкж. Тер цагла нег дөрвн турунь болд унһн һарч. Унһн һарад гүүһәд йовж оч. Унһиг хәәсн улс тер унһна зәңгәр ирхлә, унһн ирәд, тер хәәс чавчад хамхлхла, көвүн уга болж. Унһн гүүһәд йовжоч 'Оказывается, нойон Миитр тогда сказал: «В седьмом поколении вернусь и отомщу русским», — говорят. В седьмом поколении нойон Миитр родился сыном у старика и старухи. Того мальчика с единственным глазом на макушке показывают знахарям и возят туда-сюда. Многие люди, [почти] все, сказали, что от него нужно избавиться. Затем его бросали в воду, но он оказывался на берегу. В огне сжигали, но он не сгорал. «Что делать?» — подумали и разожгли много овечьего кизяка, положили его на жар и накрыли большой крышкой от котла. В это время родился жеребенок со стальными копытами на четырех ногах. Жеребенок выбежал и убежал. Люди, отправившиеся на его поиски, пришли по его следам и увидели, как жеребенок ударил копытом по котлу, котел сломался, а мальчик исчез. Жеребенок тем временем убежал' [Алтн чееҗтә келмрч 2010: 37].

В некоторых вариантах в конце повествования Миитр-нойон отправляется за советом к Далай ламе, который советует ему покинуть родные места. Миитр Дорджи-нойон отправляется в сторону восхода солнца к корейцам и обретает семейное счастье.

Следует отметить, что в нарративе, зафиксированном от Э. К. Бадаевой, Миитр-нойон также добирается до Кореи, женится на кореянке и решает остаться жить там:

Тер Миитр-нойн бәргдл уга йовад, талдан һазр, корейцин һазрт одад, корейц күүк авад, түүндән иигәд бәәсн болҗана 'Тот Миитр-нойон, совершив побег [из плена], сбежал в Корею, женился на кореянке и остался жить там' [ПМА 1].

В конце повествования, опубликованном в сборнике «Семь звезд», жена Миитр-нойона, дочь китайского императора, отравила его:

Через некоторое время Миитр-нойон говорит своей жене:

— Я поеду обратно, к берегам Волги, там остались калмыки. Я хочу их всех привести в Азию.

— Ты хочешь меня обмануть, уедешь и не вернешься, — ответила с недоверием ему жена и вскоре отравила Миитр-нойона ядом [Семь звезд 2007: 137].

В данном моменте исторические факты отражены косвенно, в реальной жизни родной брат Баксадай Дорджи (Петр Тайшин) готовился отравить Нитар-Дорджи. Он сообщал «губернатору, «„что имеет он у себя такова человека, который может ево, Нитар Дорджи, зазвав к себе в гости, опоить и для этого дать бы ему отравы (да вина) <…> ежели оной отравы брать от калмыцкого лекаря, то де того чтоб не разгласил". И губернатор дал ему отравы и вина, обещал и пятьдесят рублей тому человеку, что берется Нитар Дорджи отравить» [Митиров 1990: 46].

Текст предания «*Миитр-нойна туск тууҗ*» («История о Миитр-нойоне») был записан от С. М. Басангова в городе Лагань Республики Калмыкия, в нем дано объяснение о происхождении рода главного героя:

Тер Миитр-нойн нааран һарч ирсн бәәҗ. Түүнәс авн бидн әңг баһуд, цаатн гиһәд, Миитр-нойн мана цаатн биш, шарс баһуд эс гиҗ ик баһуд, дойда баһуд, хар ус баһудас. Тегәд тер Иҗлин усна өвр бәәв 'Тот Миитр-нойон, оказывается, вышел сюда. С тех пор наш род багуд именуется цаатанами. Нойон Миитр не цаатан. Шарс багуды или большие багуды, дойда багуды, черноводные багуды. Поэтому стали жить у Волги' [Хальмг амн зокъял 2024: 53–54].

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить двойственность образа Миитр-нойона в исторических преданиях калмыков: с одной стороны, он смелый, свободолюбивый, искренне заботится о своем народе и стремится к его освобождению. С другой стороны, он проявляет дерзость, склонен к дракам и грабежам.

Несмотря на это, несомненно, в устной народной традиции Миитр-нойон является легендарным героем. Популярность его образа проявляется в том, что его имя продолжает существовать в настоящее время: о нем сложены песни, легенды и предания, которые передаются из поколения в поколение. В них подчеркиваются его бунтарский характер, сила и храбрость, а образ Миитр-нойона олицетворяет дух борьбы и стремление к независимости.

Образ Миитр-нойона в калмыцком фольклоре неразрывно связан с его историческим прототипом Нитар-Дорджи-нойоном, который оставил значительный след в истории калмыцкого народа. С его именем связано возникновение политического кризиса в Калмыцком ханстве; его считали государственным преступником и в конечном итоге он был физически устранен. По мнению историка В. Т. Тепкеева, «физическое устране-

ние Нитар-Дорджи не прекратило одномоментно политический кризис в Калмыцком ханстве. Однако оно устранило условия для силового его разрешения, за которое выступала часть калмыцкой знати и которое могло бы привести к разрушению всего калмыцкого общества» [Тепкеев 2021: 246].

В устной традиции калмыков сохранились различные варианты предания о Миитр-нойоне, в которых отражены смелые поступки и трагические моменты жизни его исторического прототипа Нитар-Дорджи. При этом в нарративах использованы характерные для жанра преданий образы, мотивы и сюжетные элементы. Кроме того, в рассмотренных фольклорных текстах встречаются мотивы, характерные для сказочной и эпической традиций калмыков, что обусловлено процессами трансформации и взаимопроницаемости фольклорных жанров.

Источники

Алтн чееҗтә келмрч 2010 — Алтн чееҗтә келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент., прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. (Серия «Өвкнрин зөөр»).

Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина и др. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.

По следам Номто Очирова 2018 — По следам Номто Очирова. Материалы Международной экспедиции «Джангар – 2017», собранные в Малодербетовском и Кетченеровском районах Республики Калмыкия 7–8 августа 2017 г. / запись, сост. и расшифровка Б. М. Коваевой. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. 120 с.

Семь звезд 2007 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 415 с.

Хальмг амн зокъял 2024 — Хальмг амн зокъял. Кеерин хураңһу материал. Калмыцкий фольклор. Коллекция экспедиционных материалов / сост., вступ. ст. Е. Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2024. 480 с.

Хальмг амн урн 2022 — Хальмг амн урн үгин билг-эрдм (Әрәсән номин академин Хальмг номин төвин 1960–1970 җҗ. бичүлҗ авсн зуульчллһна материалмуд) (= Устное народное творчество калмыков (экспедиционные аудиоматериалы 1960–1970-х гг. из Научного архива КалмНЦ РАН) / вступ. ст., расшифровка аудиозаписи, подготовка текста к печати и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 476 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).

Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. II боть. Манҗин Санҗас бичҗ авснь Бембән Ш. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1968. 264 х.

Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1974. 274 с.

Литература

Алексеева 1999 — *Алексеева П. Э.* О джунгарском князе Лоузанг-Шуну // Теегин герл. 1999. № 8. С. 123–126.

Бакаева 2016 — *Бакаева Э. П.* Исторический факт и его интерпретация: Убаши-хан в истории и культуре калмыков и ойратов // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 344–352.

Бакаева 2021 — *Бакаева Э. П.* Предания о калмыцком хане Дондуке-Омбо: исторические факты в фольклоре // Новый филологический вестник. 2021. № 2(57). С. 404–421.

Бакаева 2022а — *Бакаева Э. П.* Нойон Галдама в письменной и народной традиции монгольских народов // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1271–1292.

Бакаева 2022б — *Бакаева Э. П.* Нойон Шеаренг в фольклоре калмыков России и ойратов Монголии: исторический персонаж и специфика образа // Новый филологический вестник. 2022. № 4(63). С. 368–384.

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М. М. Батмаева, предисл. В. Разумовской. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с. (Серия «Наше наследие»).

Басаев 2007 — *Басаев Д. Э.* Устная несказочная проза калмыков // Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С. 5–28.

Басангова 2011 — *Басангова Т. Г.* Новые сюжеты исторических песен калмыков // Фольклор в контексте культуры. Махачкала: ДГПУ, 2011. С. 9–10.

Батмаев 1985 — *Батмаев М. М.* Мазан-Батыр: легенды и действительность // Тегин герл. 1985. № 6. С. 110–112.

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х кн. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Горяева 2004 — *Горяева Б. Б.* Легенды и предания о Мазан-батыре // Мазан-батыр: известный военачальник XVII в. и легендарный герой калмыцкого народа. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 46–53.

Горяева 2010 — *Горяева Б. Б.* Ээт Мерген Темене: сказка или реальность? (К вопросу об историчности персонажа) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2010. № 2. С. 145–150.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 848 с.

Калмыцко-русский словарь 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Кичиков 1983 — *Кичиков А. Ш.* Жанровое своеобразие повествования о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтническое общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань: ИЯЛИ КФАНСССР, 1983. С. 120–128.

Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с.

Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

Мирзаева 2016 — *Мирзаева С. В.* Лузанг Шуну, Галдама и Амурсана — нойоны Джунгарского ханства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 313–343.

Мирзаева, Адьяева 2016 — *Мирзаева С. В., Адьяева З. С.* О преданиях о Шеаренге в фольклоре западных монголов и алтайцев // Проблемы этнической истории и культуры тюркомонгольских народов. Вып. 4. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 102–111.

Митиров 1990 — *Митиров А. Г.* По следам находок и утрат. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 91 с.

Митиров 2002 — *Митиров А. Г*. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Оконов 1984 — *Оконов Б. Б*. Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас Убаши?») // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 30–58.

Осорин 2019 — *Осорин У*. Шинҗәнә өөрднрин болн хальмгудын домг-үлгүрмүд, домгуд, амн үгин тууҗс: дүңцүллһн болн зергүллһн (= Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.

Сенглеев 2019 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 234 с.

Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т*. В поисках выхода из политического кризиса в Калмыцком ханстве: организация убийства Нитар-Дорджи в 1725 г. // Монголоведение. 2021. Т. 16. № 2. С. 231–247.

Цекеева 2004 — *Цекеева Т. Э*. Образ Мазан-Батыра в калмыцком устном народном творчестве // Мазан-батыр: известный военачальник XVII в. и легендарный герой калмыцкого народа: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня рождения известного военачальника XVII в., легендарного героя калмыцкого народа Мазан-батыра / науч. ред. В. Б. Убушаев, М. С. Горяев. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 54–60.

Полевые материалы автора

ПМА 1 — Б. Э. К., 1923 г. р., торгут, г. Элиста. Записано в 2015 г. Расшифр. и пер. Б. М. Коваевой.

ПМА 2 — Л. А. Б., 1932 г. р., дербет. Записано в 2015 г. Расшифр. и пер. Б. М. Коваевой.